

УДК 343.13

*Т.А. Сарбаева***О ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ МОМЕНТАХ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДОМАШНЕГО АРЕСТА
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НЕКОТОРЫХ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА
(РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН, РЕСПУБЛИКА УКРАИНА И РЕСПУБЛИКА ТАДЖИКИСТАН)**

Домашний арест как мера пресечения в современном уголовном процессе Российской Федерации закреплен с 2001 г. За время действия уголовно-процессуального закона правоприменительная практика выявила существенные пробелы в механизме применения домашнего ареста. Эти обстоятельства потребовали внесения изменений и дополнений в нормативное регулирование применения домашнего ареста, а также разъяснений Верховного Суда РФ. Однако, несмотря на принятые изменения, до настоящего времени рассматриваемая мера пресечения не нашла своего широкого применения.

Процесс исследования того или иного правового института, выявление причин и условий его неэффективности, а также выработка рекомендаций по его совершенствованию заключаются не только в изучении порядка исторического становления, но и в проведении сравнительного анализа реализации на практике аналогичных институтов других государств.

В данной статье проведен сравнительный анализ правовых норм, регламентирующих меру пресечения в виде домашнего ареста по национальному законодательству и законодательству стран постсоветского пространства (Республика Украины, Республика Казахстана и Республика Таджикистана). В ходе сравнительного анализа выявлены положительные моменты регламентации рассматриваемой меры пресечения в законодательстве вышеуказанных государств, на основании которых сформулированы положения по совершенствованию норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, касающиеся оснований избрания меры пресечения, месте исполнения домашнего ареста, контролирующего органа, а также запретов и ограничений.

Ключевые слова: домашний арест, домашнеарестованный, основания избрания, контроль, орган, осуществляющий надзор, место исполнения, третьи лица, запреты и ограничения.

Современная уголовно-процессуальная политика Российской Федерации направлена на повышение эффективности обеспечения прав личности, экономии средств бюджета, в том числе путем популяризации такой меры пресечения, как домашний арест. О необходимости применения альтернативной заключению под стражу меры пресечения говорится и в Минимальных стандартных правилах Организации Объединенных Наций (Токийские правила), принятых резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. № 45/110, где предусмотрено, что предварительное заключение под стражу является крайней мерой, в связи с чем должно применяться крайне редко, в исключительных случаях. Приоритет при выборе меры пресечения должен отдаваться альтернативным.

За 16 лет существования домашнего ареста в национальном законодательстве, правовая норма, регламентирующая рассматриваемую меру пресечения, претерпела изменения и преобразования, что позволило добиться увеличения случаев ее применения. Так, по итогам 2016 г. (в сравнении с 2014 г.) количество удовлетворенных судами первой инстанции ходатайств об избрании в отношении подозреваемого (обвиняемого) домашнего ареста увеличилось на 81,7 % (с 3 333 до 6 056).

Вместе с тем количество удовлетворенных ходатайств должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование об избрании в отношении подследственных домашнего ареста от общего количества удовлетворенных ходатайств в 2014 г. составило 21,0 %; в 2015 г. – 33,0 % и в 2016 г. – 40,4 % (в остальных случаях домашний арест избирался судом по своей инициативе – при рассмотрении ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу) [1].

Несомненно, указанные статистические данные свидетельствуют о том, что все-таки домашний арест перестает быть «мертвой» мерой пресечения, но в то же время и свидетельствует о наличии определенных трудностей, в связи с чем следователи (дознаватели) предпочитают обращаться в суд с ходатайствами об избрании в отношении подследственных заключения под стражу.

По нашему мнению, причинами неактивного применения домашнего ареста в Российской Федерации является несовершенство норм, ее регламентирующих. Повысить его актуальность возможно путем внесения изменений, разработанных, в том числе, на основе анализа аналогичных институтов зарубежных стран.

Несовершенство национального законодательства о домашнем аресте, по нашему мнению, заключается в следующем.

Во-первых, основания избрания меры пресечения носят вероятностный характер. Так, согласно ст. 97 УПК РФ, основаниями избрания меры пресечения являются предположения о том, что подозреваемый (обвиняемый) может скрыться от органа, осуществляющего производство по уголовному делу; продолжит заниматься преступной деятельностью либо воспрепятствует производству по делу, то есть основания носят вероятностный характер и основываются лишь на предположениях должностного лица, что, по нашему мнению, противоречит принципу законности уголовного судопроизводства.

При этом, как справедливо замечено А.В. Смирновым и К.Б. Калиновским, основания для применения мер пресечения должны быть установлены процессуальными доказательствами, указывающими конкретные факты (сведения о прошлых фактах асоциального поведения – покушение на побег, оказание сопротивления при задержании, несоблюдение правил поведения по ранее избранной мере пресечения и т.д.), иначе ограничение личной свободы будет необоснованным [2. С. 248].

Данная точка зрения нашла свое отражение в уголовно-процессуальном законе Республики Таджикистан, где в ч. 1 ст. 102 указано, что меры пресечения могут применяться органом, ведущим уголовное судопроизводство, лишь в том случае, когда собранные по уголовному делу доказательства дают достаточные основания полагать, что подозреваемый, обвиняемый могут скрыться от органа уголовного преследования [3. Ст. 102].

Решение должностного лица о применении в отношении подозреваемого (обвиняемого) меры пресечения должно основываться не на предположениях о возможном наступлении негативных последствий, а на достоверных данных (доказательствах), полученных в ходе расследования уголовного дела и свидетельствующих о необходимости применения меры пресечения.

Во-вторых, функции по осуществлению надзора за соблюдением домашнеарестованным, возложенных на него запретов и (или) ограничений осуществляются органом не заинтересованным в этом – уголовно-исполнительными инспекциями.

К примеру, в соответствии с законодательством Казахстана надзор за соблюдением домашнеарестованным возложенных на него ограничений осуществляет орган, ведущий уголовный процесс.

По законодательству Украины органом, осуществляющим надзор за домашнеарестованным, является Национальная полиция.

Порядок исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и взаимодействия должностных лиц при его избрании в Казахстане, точно так же как и в России, определен межведомственным приказом.

Однако, законодательное и ведомственное регулирование вопроса контроля за домашнеарестованным, по нашему мнению, в Казахстане и Украине намного эффективнее и продуктивнее, поскольку правоохранительные органы, в отличие от органа пенитенциарной системы, в большей степени заинтересованы в эффективности применения меры пресечения.

В-третьих, четко не регламентирован порядок определения места содержания подозреваемого (обвиняемого) под домашним арестом, отсутствуют процессуальные гарантии по соблюдению и защите конституционных прав и свобод третьих лиц – членов семьи, совместно проживающих с домашнеарестованным; арендодателей и т. д.

Так, в ч. 1 ст. 107 УПК РФ указано, что местом исполнения домашнего ареста является жилое помещение, в котором домашнеарестованный проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях. С учетом состояния здоровья местом содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение.

Наиболее детально, по нашему мнению, данный вопрос регламентирован в законодательстве Республики Казахстан, согласно которому место исполнения домашнего ареста определяется органом, ведущим уголовный процесс, то есть органом осуществляющим надзор за лицом, находящимся под домашним арестом. В соответствии с межведомственным приказом это может быть жилище, больница, клиника, пансионат, а также иные места и арендованные помещения. Возможно предоставление подследственному помещения, пригодного для проживания, родственниками и иными лицами на время производства по уголовному делу. При этом органом, ведущим уголовный процесс, должно быть истребовано письменное согласие не только данных родственников и знакомых, но и лиц, достигших совершеннолетия, которые совместно с ними проживают.

В случае, если местом исполнения домашнего ареста является жилое помещение, предоставленное подследственному по договору аренды, то в нем (договоре аренды) должны быть предусмотрены права и обязанности обеих сторон (собственника и нанимателя), срок аренды, правила пользо-

вания жилым помещением, а также расходы по его содержанию в надлежащем порядке, порядок расторжения договора раньше установленного срока. При этом собственник жилого помещения должен быть осведомлен о том, что предоставленное им жилое помещение будет использоваться как место исполнения меры пресечения.

Кроме того, в национальном законодательстве не определен круг лиц, которые могут присутствовать при рассмотрении ходатайства судьей об избрании в отношении подозреваемого (обвиняемого) домашнего ареста. В ч. 4 ст. 108 УПК РФ указано, что в судебном заседании участвует подозреваемый (обвиняемый), прокурор, защитник, а также руководитель следственного органа.

По нашему мнению, данная формулировка не обеспечивает соблюдение прав третьих лиц, которые при избрании домашнего ареста могут быть ущемлены.

Считаем, что наиболее защищены права третьих лиц по законодательству Украины. Так, в соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 184 Уголовно-процессуального закона, к ходатайству об избрании в отношении подозреваемого (обвиняемого) домашнего ареста прилагается перечень свидетелей, которых следователь, прокурор считают необходимым допросить в ходе судебного разбирательства.

В-четвертых, неоднозначная формулировка ч. 7 ст. 107 УПК РФ о том, что подозреваемый (обвиняемый) при избрании в отношении домашнего ареста может быть подвергнут запретам и (или) ограничениям.

По нашему мнению, такая формулировка недопустима, поскольку не обеспечивает лицу, в отношении которого избирается мера пресечения защиты его основных прав и свобод, гарантированных Европейской Конвенцией. Перечень ограничений, которым подвергается домашнеарестованный, должен быть «закрытым», прямо установленным в законе. В настоящее время формулировка указанной нормы не предусматривает четкой границы между запретом и ограничением.

В связи с вышеизложенным считаем, что законодательством Республики Казахстан (ст. 146) и Республики Таджикистан (ст. 110) такая вариация исключена, поскольку в названных нормах прямо указано, что при избрании в отношении подозреваемого (обвиняемого) домашнего ареста к нему применяются ограничения.

Таким образом, сравнительный анализ правовых норм, регламентирующих порядок избрания меры пресечения в виде домашнего ареста в правовых системах России и отдельных странах постсоветского пространства, свидетельствует о некоторых несовершенствах российского законодательства. Процессу его совершенствования может способствовать заимствование положительных моментов зарубежного опыта.

С учетом изложенного предлагаем внести в УПК РФ следующие изменения:

– в ч. 1 ст. 97 УПК РФ слова «при наличии достаточных данных полагать» заменить словами: «имеющиеся в уголовном деле доказательства дают достаточные основания полагать»;

– контроль за соблюдением домашнеарестованным возложенных на него запретов или ограничений должен осуществляться органом дознания системы МВД России;

– в ч. 7 ст. 107 УПК РФ закрепить запреты, которым может быть подвергнут подозреваемый (обвиняемый);

– ст. 107 УПК РФ дополнить ч. 3²: «В судебном заседании, наряду с лицами, указанными в ч. 4 ст. 108 настоящего кодекса, вправе также участвовать третьи лица, чьи права и законные интересы могут быть нарушены: лица, проживающие совместно с подозреваемым (обвиняемым); собственник жилья, в котором проживает подозреваемый (обвиняемый), представитель лечебного учреждения, представитель федерального органа исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных».

* * *

1. Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции. Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.
2. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2008. С. 248.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304#pos=1172;-132.

T.A. Sarbayeva

POSITIVE ASPECTS OF REGULATION OF HOUSE ARREST IN THE LEGISLATION OF SOME POST-SOVIET COUNTRIES (KAZAKHSTAN, UKRAINE AND TAJIKISTAN)

House arrest as a measure of restraint in the modern criminal procedure of the Russian Federation is fixed since 2001. During the operation of the criminal procedure law, law enforcement practice revealed significant gaps in the mechanism of application of house arrest. These circumstances required the introduction of amendments and additions to the legal regulation of the use of house arrest and explanations of the Supreme Court. However, despite these changes, to date, this measure has not found its wide application.

As you know, the research process of one or another legal institution, the identification of the causes and conditions of its inefficiencies, and development of recommendations for its improvement lie not only in the study of historical formation, but also in the comparative analysis of the implementation in practice of the similar institutions of other countries.

In this article a comparative analysis of the legal rules governing the measure of restraint in the form of house arrest on national legislation and legislation of post-Soviet countries (Ukraine, Kazakhstan and Tajikistan) is carried out. During the comparative analysis the author identified positive aspects of regulation of a considered preventive measure in the legislation of above mentioned countries on the basis of which she formulated provisions for the improvement of criminal procedural legislation of the Russian Federation concerning the grounds for the preventive measure, the place of performance for home detention, the Supervisory authority, as well as prohibitions and restrictions.

Keywords: house arrest, home-arrested, grounds of election, control, Supervisory authority, place of performance, third parties, prohibitions and restrictions.

Сарбаева Татьяна Анатольевна,
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Нижегородская академия МВД России
603950, Россия, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3
E-mail: tanja555.83@mail.ru

Sarbayeva T.A., postgraduate student
Nizny Novgorod Academy
of the Ministry of internal affairs of Russia
3, Ankudinovskoe shosse, Nizny Novgorod,
Russia, 603950
E-mail: tanja555.83@mail.ru